

Роман Редисов

16+

Роман Редисов
Юность. Музыка. Футбол

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Редисов Р.

Юность. Музыка. Футбол / Р. Редисов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Роман Редисов пишет в традиции романтического реализма. Новая книга автора повествует о юности, музыке, футболе и любви...

Содержание

Всякому своё	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Всякому своё

Выходя из купе, Ботаник почувствовал, как в штанине его завибрировало, а затем взорвалось залихватским вступлением песни “The Ballad of little Johnny”. Ботаник достал телефон, звонили с работы. «Идите, я сейчас» – бросил он вслед корешам и остался в купе.

Покидая 14-й вагон, два его компаньона двинулись к середине состава поезда № 88 Владимир – Санкт-Петербург. Шумные плацкартные вагоны с мельтешащими снизу женщинами и детьми и торчащими сверху мужскими ногами, перемежаясь ароматами тамбурных туманов, сменялись вагонами купейными, предлагавшими в виде препятствий лишь отдельные тучные крупы, застывшие среди узких коридоров. . . Они шли вдвоем, принимая свою роль и зная свою цель. Тот, что шел первым, был пониже ростом, но превосходил второго в иных габаритах. Он без устали отворял вагонные двери, чтобы через пару секунд их мог хлестко закрыть шедший следом товарищ. Их волевые нарочито бесстрастные лица органично вписывались в контуры безупречно выбритых черепов. Они шли как хозяева своих дней, их глаза светились отвагой и смыслом. Мало сделать осознанный выбор, но быть верным ему до конца – вот долг настоящего воина. Ни угроза, ни разум, ни блажь, ни инстинкт не смогли бы смутить их решимость. Они шли тяжелым, но ровным шагом навстречу судьбе, жребию, доле. И теперь, когда выбор был сделан, любая иная возможность казалась нелепой и сказочной. Никто и ничто не могло сбить их с толка, и их курс был незыблем. Позади оставались все те, кто привык отступать с полпути, кто готов утешать себя малым. Впереди же их ждали подвиг, радость битвы и смерть. И кто-то уже наполнял для них чашу Грааля. Вагонные двери открывались и хлопали одна за другой, пока за очередной наконец не возник ресторан.

«Конечно, конечно, Иван Трофимыч, в понедельник все сделаю! До свидания», – с энтузиазмом заверил Ботаник и положил телефон на стол. Иван Трофимыч был его питерским шефом из головного офиса небезызвестной страховой компании, во владимирском филиале которой служил сисадмином Ботаник. Работу свою Ботаник ценил: в ней требовались мозги, да и платили нормально.

За окном среднерусские мартовские пейзажи заливало вечернее солнце. Поблуждав взглядом среди позолоченных голых крон, он скользнул по покрытому снегом полю, пробежался по фасадам деревянных домов, проскакал по конькам их крыш, и, скатившись с одной из них, увяз в придорожном кустарнике. Обратившись в поезд, он мысленно проник в вагон-ресторан, где два его кореша, Быдло и Ойойой, всюю уже звякали да брякали рюмками-бутылками. Молнией вылетел оттуда, с облегчением выдохнув, и, шагнув через устланный остатками «разогрева» стол своего купе, усадил свой взгляд на место напротив. Место было не занято.

Тем временем за окном кусты, столбы и деревья заполнили весь обзор. Кусты, столбы и деревья, как закольцованный видеоряд, пошли бесконечно – столбы и деревья, и снова – кусты. . . Уж третью минуту кряду. Сверху было немного неба. Ботаник посмотрел на него с интересом, будто видел впервые, и словно не зная – что это такое. И, глядя туда, у кого-то спросил: «Почему я здесь? В чем же смысл моего путешествия?».

Он спросил: «Почему я опять вписался на гребанный выезд?».

«Нет, все-таки, блин, что прельстило меня? Непременный нажир&угар? Вероятные траблы с ментами? С вражеским фанатъем? Полнейшая разруха тела и духа на обратном пути?»

В последнее время ощущение того, что радость подобного блудняка оставляла его фанатскую душу, становилось все более явным. Однако поделиться такими подозрениями со своими

корешами он пока не решался – ведь те имели гнусную привычку жестоко чморить всякого, кого сочтут уклонистом.

А душа вожделела иного...

«Интересно, – думал он, – а вдруг на свободное место в Москве сядет симпатичная телка...

Но как мы начнем с ней общение?

Скажем, она раскроет и начнет читать книгу. Книгу Уэлша. Например, «Дерьмо». Или «Порно». Тут я спрошу: «Вам нравится «Дерьмо»? Хотя конструктивнее было бы «Порно»... Ну ладно, пусть так: «Вам нравится Уэлш?».

И понеслась...

Или, например, девушка в наушниках, что-то слушает. Наконец, вынимает их, и в этот момент мне звонят. А на телефоне тема SYDNEY CITY TRASH. Она хлоп по ушам – а наушников нет, смотрит на свой телефон – он молчит.. Наконец, понимает, что это – у меня! Улыбается в счастливом удивлении – ведь это ее любимая группа!

И все. Копец! Мы глядим друг на друга и понимаем: вот мы и встретились наконец...»

Мобильник Ботаника и впрямь вдруг завибрировал. Звонил Ойойой:

– Ты как там, жив? Хорошо дрочить.

– Да иду я, в пути, – промычал фантазер, выходя в коридор.

– Желаю, чтобы всех! – объявил торжественно Быдло, и рюмки со звоном встретились.

Столичный Курский вокзал не только предоставил перрон для освежающего перекура, но и ожидаемо внес свежую струю в непредсказуемое течение вечера для пассажиров поезда 88. Уже через несколько минут после отправления вагон-ресторан был забит одними фанатами. Московские фаны братались с владимирскими, находили общих знакомых, обсуждали совместные выезды, делились веселыми курьезами, хвастали жесткими траблами, обменивались новостями.

– Быдло, – обращался к тому москвич Квакер, – Приезжай через неделю с псом. На игру сходим и Бастарду прослушивание устроим.

– Бастарду – прослушивание? Это – в смысле? – не понял Ойойой.

– У друганов моих группа. – Пояснил Квакер. – СС. То есть – СОБАЧЬЯ СУДОРОГА. Парни рубят грайндкор, а на вокале – питбули – Ле Со и Бэтти. Так вот, Ле Со последнее время как-то зачах, загрузил. Зазвездился он что ли? Стал капризный, пропал драйв, скулит да воеет, в основном. В лирику, в общем, ударился. На Бэтти плохо влияет. А парни-то стиль менять не хотят, ищут теперь замену. Вот я и вспомнил – у Быдло же нашего Бастард есть. Хоть не питбуль, а этот...

– Чихуахуа, – напомнил Быдло.

– Вот и я говорю, – согласился Квакер, – не всё ли равно? Привози, пацаны посмотрят. Слух есть – будет петь.

– Хе-хе, а чего? Так-то он голосист, – подтвердил Ойойой.

– Слушайте, а у меня в конторе есть перец, тоже айтишник, – включился Ботаник, – так у него дома попугай есть поющий. И чел его записывает, а потом на хэви-метал всяческий накладывает вместо хрипящих визгунов...

Поезд 88 нёс фанатов столичного клуба на первый выезд сезона в Питер, а фанатов несло по алкогольным волнам воспоминаний. Кто-то вспомнил шедвел на дерби в Москве.

– Мы встали по верху. Колбасит, конечно, звездац. Мрази что-то запели убогое. И тут Пинцет как зарядит, а Мелкий – с ноги чудаку перед ним...

– Слышь, Быдло, ты шедвел мутил? – тихо спросил кореша Ойойой.

– Неа.

– Ну, ты убогий.

– А ты, значит, типа мутил? – отозвался с обидой кореш.

– А-а, – мотнул головой Ойойой, – и я – нет.

Затем, зашла речь о прорыве на поле в Ярославле с целью сорвать продуваемый кубковый матч. Ойойой пихнул товарища в бок и снова спросил:

– Ты тогда прорывался?

– Нет, – с раздражением выплюнул Быдло, нахмурился и отодвинулся.

– Я тоже, – попытался утешить его Ойойой.

Кокой-то бывалый фанат вспомнил, как еще в девяностых, перегнувшись через перила деревянной трибуны в Набережных Челнах, его вырвало на фуражку стража порядка.

– Друг, чтобы все прояснить: ты хоть раз блевал на мента? – это снова был Ойойой.

Быдло молча повернулся к товарищу, и пристально на него посмотрел. Сначала в глаза, потом в подбородок, и снова в глаза. Гипноз возымел свой эффект, Ойойой как-то сразу смутился и поспешил объяснить:

– Чел, я просто пытаюсь понять – мы с тобой вообще жили?

У стола появился Ботаник.

– Боевик, ты куда пропадад, – хлопнул Быдло его по плечу.

– У нас в купе пополнение.

– Симпатичное?

– Не совсем, – уклончиво начал Ботаник. – Прихожу я в купе, смотрю – лежит на столе буклет. Читаю: «Российский Футбольный Союз. Международная конференция. Толерантность – дорога футбола. Тезисы докладов». Прикольно, думаю. Чел с футбольной конференции с нами едет, будет – о чем потрендеть. Может, известный кто... И тут появляется он... Негр! Чёрный, как.. гиннес. Улыбается так: «Здравствуйте», говорит. Я ему: «На здоровье!». В общем, зовут его Жоан Антуан, приехал он из Анголы. Из ангольской футбольной федерации – какой-то по связям там. Приехал, говорит, на конференцию и буклетом мне тычет. Ага, говорю, понятно, а в Питер – чего, на футбол? Нет, говорит, как турист. Учился он в Питере в универе – не то назад десять лет, не то всего десять лет – недопонял.

– Вот вам подвезло, пацаны! – оживился Квакер. – Аж завидно. Вы доклады-то тезисов прочитайте. Завтра в Питере на секторе пацанам про толерантность расскажите, а то многие же и не в курсе – че за фигня...

Отскрипели-отскрежетали вовлеченные в торможение механизмы, и поезд, качнувшись туда-сюда, замер. Представший за окном ресторана Тверской вокзал вывел Быдло из легкой задумчивости:

– А ведь белая раса страдала от нашествий из Африки тысячелетья! – вдруг заявил он. – Мавры покорили Испанию, Португалию и часть Франции...

– И народ, разрешивший пришельцам сегодня топтать его землю, завтра может и вовсе исчезнуть! – подхватил Ойойой.

– Этот демон опасен для общества. – Икнул и продолжил Быдло. – Такого, как он, нельзя ни жалеть, ни оправдывать. Мы должны, джентльмены, использовать случай, чтобы схватить эту тварь и отправить туда, где он никому уж не сделает зла. Иначе за нашу оплошность заплатят невинные люди – обычные, вот, пассажиры, – обвел рукой Быдло сидящих вокруг фанатов, – на которых тот может напасть, по сути, в любую минуту!

– Имеющий ум, да поймет очевидное, – подняв указательный перст, резюмировал Ойойой, и оба джентльмена попытались сфокусировать свои взгляды на молчавшем досель Ботанике.

– Я с вами, – произнес после паузы тот.

– Тогда найди же вагонный ключ, – напутствовал Быдло, – И возьмите рюмки. Надо торопиться, не то выпивка нас утомит, и мы забудем о нашей борьбе!

Жоан Антуан Карамбу, вооружившись очками, листал любезно подготовленный организаторами сборник тезисов докладов прошедшего симпозиума. Все статьи под тем или иным углом касались заявленной организаторами конференции темы – проблемы толерантности в футболе, и об этом красноречиво гласили их заголовки: «Коричневая чума на зеленых полях», «Стадион – арена добра», «Гомофобия в офсайде»... Наконец, Жоан Антуан остановил свой выбор на показавшемся ему любопытном исследовании британского социолога Мудрана Захери «Толерантность для всех». В статье говорилось следующее:

«Толерантность, будь то в футболе или в иных сферах человеческой деятельности – это, прежде всего, терпимость и благожелательность к внешнему облику других людей, к образу их мышления, к особенностям их поведения, к их традициям и привычкам.

Целью данного исследования было выяснить: какие группы населения нашей планеты (в данном случае – среди футбольных болельщиков) в настоящее время являются с точки зрения терпимости относительно благополучными, а какие в большей степени нуждаются в разъяснении норм толерантного поведения.

На основе принципов заложенных в понятие «толерантность» нами была разработана гибкая шкала для оценки степени толерантности личности в процентах: от нуля, соответствующего абсолютной нетерпимости (интолерантности), до 100 % – степени полной толерантности. Для получения численного эквивалента толерантности использовалась специальная анкета, состоящая из ста вопросов-ситуаций, каждая из которых предлагала респонденту два варианта решения – толерантный и интолерантный.

Примеры вопросов-ситуаций.

Вопрос 1. Вы собираетесь большой компанией. Первым пунктом программы встречи является дружеская игра в футбол. Что вы предпочтете?

а) чтобы играли только те, кто хорошо играет;

б) чтобы играли все желающие, включая тех, кто толком не знает правил.

Вопрос 2. Вы пьете в баре любимый светлый эль. Заказывая новую кружку, вы слышите, что в бочке это пиво закончилось, а для подключения нового кега требуется подождать 20 минут. Бармен предлагает вам пока заказать темное пиво. Ваши действия?

а) соглашаетесь и, чтобы не терять темп, а также для разнообразия, заказываете темное пиво;

б) категорически отказываетесь как нелюбитель мешать светлое с темным, предпочитаете взять паузу в питье на 20 минут или переходите к крепким напиткам.

Сумма «толерантных» ответов для каждого опрашиваемого в результате составляла его личный индекс (показатель) толерантности, выраженной в процентах.

Данный опрос проводился в течение трех лет среди 669 футбольных болельщиков из 39 стран, расположенных на 5 континентах. Обработка и анализ результатов анкетирования позволили сделать следующие обобщения относительно склонности к толерантности различных типов людей.

Среди представителей разных рас наиболее склонными к проявлению толерантности оказались монголоиды, их средний ИТ (индекс терпимости) составил 38%. На втором месте – негроиды (средний ИТ – 34%), на третьем – европеоиды (29%). Наименее толерантными оказались представители австралоидной расы, их ИТ в среднем оказался равен 7%.

Темноглазые болельщики со средним индексом терпимости равным 36% оказались более толерантными по сравнению с зеленоглазыми (ИТ – 26%) и голубоглазыми (ИТ – 24%).

Брюнеты так же оказались более расположены к терпимости относительно рыжих и блондинов (их средние индексы равны соответственно – 35, 32 и 27%).

По типу волос: шерстистоволосые более толерантны относительно гладковолосых (средний ИТ: 34% против 30%).

Обладатели удлиненной формы черепа (долихоцефалы) по результатам опроса оказались менее толерантными (ИТ – 27%), нежели обладатели черепа средней длины – мезоцефалы (ИТ – 31%) или носители коротких черепов – брахицефалы (ИТ – 36%)...»

Жоан Антуан не успел дочитать занимательную статью, так как дверь купе отворилась, и на пороге возникли два бритоголовых молодца, один из которых выставил ладонь в римском приветствии.

– Мир тебе, собрат по виду! – начал Быдло издалека...

Не прошло и десяти минут, как поезд лихо набрал обороты, продолжив свой путь, а Ботаник, стоя в тамбуре с одолженной связкой вагонных ключей, наблюдал как Быдло и Ойойой уже волокли в его направлении связанного простынями и рычащего сквозь кляп-полотенце африканского гостя.

Через несколько секунд вагонная дверь была отперта, туловище мавроподобного оккупанта переведено в горизонтальное положение, ритуально раскачено и...

..твоя брэнная оболочка раздувается ветром, воздух наполняет тебя.. Ещё мгновение – и ты вознесёшься на теплых воздушных потоках.. Всё твоё тело наполняется покоем и свежестью, ты превращаешься в ветер, ты пролетаешь над землёй.. Ты свободен, ты летишь..
...отправлено в кромешную завагонную тьму, чёрную как бездонная пасть Сатаны.

Ботаник стоял посреди незнакомой комнаты, аскетическое убранство которой вызывало ассоциации с дешевой гостиницей или съемной шлющей квартирой. В комнате, кроме него, была женщина. Она сидела на полутораспальной кровати в лифчике и панталонах золотисто-зеленых цветов и чего-то ожидала с игриво-ироничным выражением глаз. На лице ее светлела легкая улыбка, одна бровь была вопросительно приподнята. Лицо ее было черно. Впрочем, как и все остальное, так как она была негритянкой. «Ты кто?» – решил на всякий случай уточнить Ботаник. «Я – Крис. А ты, как сказали твои друзья, – Ботаник?». «Вообще-то я Коля...». «Да это не суть, – хихикнула Крис, – ну?.. штаны снимать будешь?». Ботаник внимательно осмотрел Крис. Это была неюная (лет, вероятно, под сорок), наделенная пышными формами женщина с крупными чертами лица. Взгляд ее черно-желто-красных глаз теперь выражал озорство детсадовской подруги и материнское участие одновременно. «Наверное, надо, – вспомнив о друзьях, подумал Ботаник. – Законы социума, против них не попрешь». Он решительно кивнул и принялся расстегивать ремень, пытаясь в то же время оценить реальность происходящего.

Крис, не вставая с кровати, завела руку за спину, расстегнула бразильской расцветки лифчик, а затем, энергично подвигав плечами, будто исполнив короткий ритуальный танец своего народа, позволила соскочить тому на пол, обнажив арбузообразные груди с огромными темными пупырчатыми сосками. Тем временем Ботанику удалось разделаться с джинсами, однако трусы по-прежнему были на нем. Взглянув на него, Крис улыбнулась, привстала и стянула свои панталоны, нагнувшись так, что груди ее, едва не достигнув пола, на этот раз напомнили два гигантских баклажана. Освободившаяся при этом генитальная растительность, растущая как на лобке, так и на ногах, поразила Ботаника своим пышным обилием. Однако отступить было некуда, Ботаник избавился от семейников и сделал шаг к ложу. Крис легла на спину и разверзла ноги, обнаружив мясистое лоно с множеством складок, уходящих подобно бесконечной спирали в затягивающий тоннель предначертанного пути. Подойдя вплотную, Ботаник вгляделся в черную вагинальную бездну и зачарованно замер. Ему показалось, что гигантская вульва, дважды чавкнув (как бы прокашлявшись), сипло с надрывными интонациями прохрипела: «Что же ты сделал, Коля? Кто же теперь ты по сути-то, а?..». «Да что за муть?» – успел подумать

он, как кто-то схватил его за член. «А-а, попался!» – хищно прорычала Крис (конечно же, это была она, ведь здесь кроме них никого и не было). Она сочла это настолько смешным, что тут же разразилась оглушительным смехом.

Ботаник вскрикнул, тотчас кончил и моментально проснулся. Он свесил голову вниз – на нижних полках дрыхли его кореша. Верхняя полка напротив была вопиюще свободной. Усталый состав из последних сил подползал к перрону Московского вокзала города на Неве.

Уж больше года минуло, когда морозным субботним мартовским утром две жительницы деревни Красные Удцы (Тверской губернии) – Авдотья Кулакова и Ефросинья Босова, собирая хворост в кустах, растущих вдоль Октябрьской железной дороги, наткнулись на нечто совершенно удивительное и досель небывалое в этих весьма богатых живностью краях. Сперва их внимание привлек звук, похожий в равной мере как на человеческий стон, так и на звериный рев. Услышав его, женщины замерли и переглянулись. Вой доносился спереди метрах в тридцати, а кто, да что – за ветвями не видно. Вдруг под кустом, хранившем тайну неясного существа, возникло какое-то шевеление, треснули одна или несколько веток, а в просвете у самой земли показалась на миг голова, но тут же пропала. От неожиданности женщины отскочили назад, при этом Ефросинья споткнулась о санки с хворостом и села в сугроб. И тотчас воскликнула:

– Ох! Что же это?!

– Человек? – спросила у подруги не успевшая понять, что к чему, Авдотья.

– Уж больно он странный.. Не поняла я, – прошептала в ответ Ефросинья.

Но где-то через минуту голова показалась опять.

– Ишь ты! А ведь и правда – кажись, человек, – воскликнула Авдотья.

– Да человек ли? – с сомнением отозвалась Ефросинья, – Что ж он чёрный такой? как чёрт! – усомнилась она и принялась истово креститься.

Подруги опять глянули друг на друга и на полминуты умолкли.

– Так, значит, человек, – наконец задумчиво произнесла Авдотья. Но Ефросинья ничего не ответила. Вместо этого она встала, пригнувшись, пробежала несколько метров до железнодорожной насыпи, отобрала там несколько кусков щебня, и так же осторожно и ловко вернулась обратно.

– Значит, человек? – прошептала Ефросинья и поделилась камнями с подругой.

Женщины продвинулись на несколько метров вперед, синхронно размахнулись и выпустили по снаряду. Оба камня попали в цель. Вновь раздался стон, и черная голова, на этот раз с проступившими на лбу свежими каплями крови, показалась опять. Совсем осмелевшие женщины подбежали к подранку...

Жоан Антуан Карамбу, осознавший себя после ночного происшествия в прижелезнодорожном кустарнике и окончательно очнувшийся в результате попадания щебнем в лоб, теперь сидел поверх хвороста в санках, которые сообща тянули Авдотья и Ефросинья, и громко клал зубами от холода.

Женщины везли заморское чудо в дом к Авдотье, взявшейся выходить подкидыша до полного выздоровления. И покуда не окрепнет, пускай погостит, благо – жила Авдотья одна, так как к печали своей полгода назад овдовела.

Прошлой осенью муж её егерь Федот пошел в одиночку на кабана, да так домой и не вернулся. Спустя три недели, как он ушел, наткнулась в лесу Авдотья на человеческие останки. Мягкие телесные ткани почти целиком были съедены, а большая часть костей обглодана. Впрочем, фрагменты одежды – обрывки тельняшки, армейских штанов и кирзовых сапог – наме-

кали на имя владельца. Дополняли картину лежащие поодаль карабин «Вепрь», термос с остатками самогона и старый рюкзак, на котором виднелась полуразмытая надпись, сделанная много лет назад шариковой ручкой: «Федот Кулаков. Стройотряд»...

Вскоре показались избы Красных Удцов. В ближайшей из них и жила Авдотья.

– Смотри, осторожнее с ним. Кто знает, что в черной его голове, – напутствовала перед расставанием подругу Ефросинья, – Ну давай. Зайду еще вечером, – махнула она и поспешила домой, предвкушая как сразит историей о лесном происшествии мужа, завязанного скептика Игната.

Дней шесть спустя Жоан Антуан пришел в себя телом, да и психически пообвыкся. Без денег и документов вернуться на родину, или хотя добраться в Москву – было сложно. К тому же последнее железнодорожное путешествие оставило в его душе неизгладимый след. И теперь стук колес проходящего поезда отзывался в африканской груди идентичным по темпу сердцебиением. Чтобы снова ступить на Дорогу Смерти (а иначе железнодорожный маршрут Москва – Санкт-Петербург он для себя и не называл) требовалось нечто большее, чем обретение физических сил. Да и добрая Авдотья привязалась к несчастному, найдя, наконец, применение накопившейся женской заботе. Вот так и зажили они вдвоем, Жоан и Авдотья, в русской деревне, в сердце тверских чащоб.

Тем временем настоящая весна пришла в Красные Удцы. Лес наполнился разнообразными звуками, словно звери и птицы всех мастей наперебой зазывали к открытию охотничьих забав. Жаль только вот – карабин, найденный с костями Федота, забрал с собой участковый. Сперва забирать не хотел, но, не добившись от молодой вдовы тепла и ласки, все же забрал – Авдотья прав на карабин не имела. Однако находчивый Карамбу изготовил из орехового дерева весьма недурной лук, снабдив его тетивой из рыболовной лески. Смастерить стрелы, используя дерево, гвозди, гусиные перья и проволоку, было и того проще. Так и стал добывать – то зайца к утру принесет, а то птицу какую. А однажды духи красноудских дубрав даровали ангольскому охотнику молодого кабанчика. В результате удачного выстрела стрела через глаз вошла прямехонько в мозг, обеспечив лесному поросенку мгновенную и, к счастью, безболезненную смерть. Охотиться Жоан Антуан предпочитал по ночам, темнота – маскировке подспорье.

Как-то теплым (по местным меркам) июньским вечером, когда сумерки на всех основаниях могли считаться поздними и грозили вот-вот обратиться ночью, Карамбу с луком наперевес, привычно провожаемый серией крестных знамений, отсылаемых ему в спину стоящей на крыльце Авдотьей, ступил в абсолютно ночную чащу (в лесу-то ведь ночь наступает чуть раньше). Вдруг, недалеко от опушки, чуть ли не из-под ног выскочил совершенно белый зверь и, прошмыгнув справа налево, скрылся в высоких папоротниках. Все произошло столь стремительно, что об изготовке к выстрелу не могло быть и речи. Карамбу успел лишь признать животное. «Заяц. Белый заяц!» – в ужасе прошептал он. Карамбу отлично помнил народную ангольскую примету: если твой путь перебежит белый заяц – вперед дороги нет. Но пойти по пути суеверия – значит вернуться домой ни с чем. С другой стороны – заяц действительно был абсолютно белым – от ушей до хвоста, и эту нескромную вопиющую белизну не в силах была скрыть даже ночь! Наконец, поразмыслив над этим немного, Жоан Антуан предположил, что, возможно, старая ангольская примета здесь, в России, бессильна. Ведь духи, дающие знаки, здесь тоже другие, хоть и не менее опасные. А может быть, здесь белый заяц и вовсе – к удаче? Так, ободрив себя этой смелой гипотезой, Карамбу продолжил путь.

Более часа на пути его не встречалось ничего интересного, иногда лишь сверху ухали совы (или же духи в образе сов, ведь совы – часто не то, чем они кажутся), да словно ночные херувимы-хранители шелестели крылами забавные симпатяги – летучие мыши. Внезапно из облаков появилась Луна, и среди затейливых кружев лесных теней Жоан Антуан Карамбу

увидел его. Стоя в тринадцати прыжках посреди небольшой полянки, теперь освещенной лунным светом, зверь с интересом обнюхивал кору одиноко стоящего пня. Да, это был шакал! Сомневаться не приходилось. Самый настоящий шакал, символ животной хитрости и сообразительности. В Анголе охотник, сумевший поймать или убить шакала, тут же получал всеобщее признание – похвастать добычей столь изворотливого и осторожного зверя могли немногие... Слава Духу Ветра – направление воздушных потоков в тот час не могло выдать зверю присутствие подкравшегося Карамбу... Первая стрела попала в шею, шакал тьякнул и захрипел. Следом выпущенная вторая вонзилась в заднюю ногу, после чего шакал, стремясь ухватить стрелу зубами, завертелся на месте. Третья стрела пригвоздила ухо шакала к пню. Карамбу тут же совершил нужное количество прыжков, подскочив к скулящему и бестолково сучащему лапами зверю, левой рукой ухватил за холку, а правой враз перерезал глотку.

Русский шакал, хотя и несколько отличался от африканского внешне, без сомнения являлся не менее ценной добычей. Искусно выпотрошив тушку, Карамбу положил трофей в мешок и продолжил ночной моцион под одобрительное уханье духов.

Утреннее пение петухов отозвалось в груди Ефросиньи Босовой смутной тревогой. Удостоверившись, что в огороде никого нет, Ефросинья пробежала вверх по улице метров сто, затем, вниз метров двести, и, наконец, опротясь помчалась к самой дальней, стоящей чуть на отшибе, избе – оповестить подругу о ночной пропаже. А может, и, чем черт не шутит – Маугли ейный что-нибудь видел? На бегу Ефросинья не переставала голосить: «Кони! Ко-ни! Кооо-нии!»». Но зывала она не к взрослым самцам лошадей. Так звали любимца семьи (а особенно дочки Настеньки) – верного пса-дворнягу, кличку высмотрел по телику муж Игнат. Днем Кони сидел на цепи, а ночью свободно гулял в огороде. Самоволки случались и раньше, но к завтраку Кони с довольным и слегка виноватым видом всегда возвращался...

Солнце еще не успело подняться высоко, но все говорило за то, что день будет жарким. Достигнув калитки, Ефросинья выкрикнула имя подруги и вошла во двор. Во дворе Авдотьи не было. Там ее встретил Карамбу, он приветливо улыбнулся, кивнул и почти без акцента сказал: «Здравствуйте!». Жоан Антуан стоял у разделочного пня, в левой руке он держал ногу животного, в правой руке был топор. Из-под ног его остекленевшими глазами взираала на Ефросинью недавно отделенная от туловища голова Кони.

На вопль Ефросиньи, по своей нечеловеческой пронзительности сопоставимый с возможным проявлением страданий голосистой свиньи, насилуемой несравнимо более крупным хищником, из дома вышла Авдотья, не любившая смотреть за разделкой добычи. Прошло несколько секунд, прежде чем останки животного, безумный крик Ефросиньи и недоуменно-растерянный вид Жоана сложились для Авдотьи в единую картину нелепой ночной трагедии. Тогда все трое пришли в движение. Ефросинья то зывая к небесным защитникам, то повторяя имя убиенного питомца, понеслась восвояси. Запричитавшая Авдотья запрыгала вокруг Карамбу, который, в свою очередь, не выпуская из рук топор и ногу Кони, пожимал плечами, лепетал на своем нерусском и беспокойно вращался согласно перемещениям хозяйки...

Когда во двор Авдотьи ворвался с ружьем муж Ефросиньи Игнат, Карамбу уже там не было. Посреди двора подобно бледной затушенной свечке недвижимо стояла хозяйка и в отрешенном безмолвии прислушивалась к странным процессам внутри своего тела – уже знакомая опустошающая сила плавила в ее сердце едва обретенную вновь надежду, создавая в груди физически осязаемую тяжесть. В тот миг Жоан Антуан, по-прежнему сжимавший топор и оттяпанную собачью конечность, с верным луком и колчаном стрел за спиной все глубже внедрялся в лес.

Соорудив шалаш и продолжив упражняться в охоте, Карамбу зажил в лесу относительно сносно. Тем более, по ночам он иногда совершал вылазки к Авдотье – пополнял запасы спичек, продуктов, да согревал душу. Однако как-то утром, в аккурат после их рандеву, к Авдотье явился Игнат и честно предупредил: «Увижу негра – убью. Не обессудь. Всем будет лучше. А раз всем – значит, и тебе тоже. Участковый добро дал». Авдотья знала: большинство мужиков в деревне сразу невзлюбили Жоана, но до поры помалкивали, понимали – вдове одной тяжело. Не лез не в свои дела и участковый – боялся насмешек сельчан и подозрений в ревности. Теперь же каждый стремился внести свою лепту в поимку Карамбу – глаза и уши были повсюду. Домашние встречи пришлось прекратить. Теперь Авдотья с небольшим узелком раз в несколько дней отправлялась в лес на прогулку...

Однажды, она, направляясь к Жоану, услышала за спиной странный хруст. Кабан? Авдотья замерла, шум прекратился. Осторожно двинулась дальше, но вскоре опять ощутила чье-то присутствие. Женщина снова остановилась и огляделась. Жоан? Опять тишина. Если он – то зачем ему прятаться? Постояв и прислушавшись с полминуты, Авдотья дала небольшой крюк и пошла обратно в деревню.

В ту же ночь Карамбу, не дождавшись Авдотьи в условленном месте, отважился сам отправиться к ней. На подступах к дому он сперва перешел на какой-то согбенный полуприсед, а вскоре совсем опустился на четыре конечности, стараясь ступать неслышно как пума. Внезапно промеж монотонного пенья сверчков слух лесного охотника выхватил звук, явно рожденный металлом – неподалеку отчетливо клацнуло – ку-клуks. Жоан Антуан лег на землю, и в тот же миг прогремел выстрел. А следом еще. Засада! Он отполз немного назад, вскочил и, затравленно пригибаясь, понесся обратно – под защиту лесного покрова, туда, где лишь духи вправе решать его участь. Позади заголосили собаки, послышались резкие голоса, раздались новые выстрелы. Смертоносная вражья стрельба погнала его, как зверя. Слева, справа, сзади и спереди на щепки крошились деревья, ломались и падали ветки. Лавируя между пуль, он достиг развесистой ели и юркнул под массивные ветки. Сидя, прислонился спиной к толстому стволу и прислушался. Пара свинцовых пчел нырнула меж веток за ним, но, слегка разминувшись с целью, понеслась наудачу дальше. Тогда он снова вскочил и помчался уже без оглядки, растворяясь в чернильном мраке ночного дремучего леса.

Так оборвались всякие связи с людьми, Авдотьей, цивилизацией. Лес стал единственным другом и домом – маленькие его обитатели не давали Карамбу пропасть с голодухи. К охоте прибавилось собирательство – различные ягоды и коренья вошли в повседневный его рацион. К грибам же Жоан подходил избирательно, собирал, в основном, для души, предпочтя всем другим мухоморы.

К концу сентября погожих дней стало меньше, а холодных ночей – прибавилось, ягоды отошли, птицы стаями потянулись на юг, жизнь в лесу затухала. Демоны Голод и Холод ширили свою власть, превратившись в новых мучителей наравне с душевной тоской.

Однажды октябрьским утром, выйдя из шалаша, Карамбу услышал шум. Шум издавали люди. Вскоре он стал разбирать – люди о чем-то кричали и очень громко смеялись, можно сказать, и ржали (безудержно так гоготали). Смеялись, похоже, двое: один – голосом высоким и повизгивающим, чем-то напоминающим тьяканье и скулеж небольшой собачонки, другой – басовито-протяжными сериями, смачно перемежаемыми не то храпом, не то хрюканьем. Заткнув за пояс топор (нож в ножнах уже привычно болтался там же), Карамбу пошел на звук, стараясь ступать бесшумно. И вскоре он их увидел. Это была молодая пара. Выглядели они необычно. Стандартные джинсы и свитера у них сочетались с какими-то не то покрывалами, не то занавесками, наброшенными на плечи и скрепленными на груди большущими брошами. Ноги их были обуты в остроносые замшевые сапожки. А сверху все это убранство дополняла

разнообразная бижутерия, обильно блестящая на их головах, рукавах, запястьях и голенищах. Сидя перед костром и тыча друг в друга пальцами, они придавались веселью. Слева от парня, периодически выдававшего залиvistые высокие трели, долговязого худого бледнолицего юноши с длинными волосами, прижатыми к голове металлическим обручем, торчал из земли большой деревянный меч. А справа от девушки, время от времени потрясавшей окрестные деревья утробным хохотом, кряжистой особы в массивных очках, чьи волосы опоясывала расшитая цветным бисером лента, виднелся изгиб гитары желтой. Карамбу напряг свой слух, силясь понять, о чем говорят эти люди. Затем вспомнил, что русским он так и не овладел (а то, что знал – успел позабыть), и оставил попытки, отметив для себя только то, что пришельцы были возбуждены, к алкоголю не прибегая. Голодный взгляд лег на их рюкзаки, валявшиеся поодаль. «Ничего, с них не убудет, до дома с голода не помрут» – решил Жоан Антуан, и залег метрах в шестидесяти от костра в пышных кустах, откуда понес наблюдение в надежде поймать подходящий момент для проверки их (рюкзаков) содержимого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.